

ТРАГЕДИЯ В УЭЙКО

ПЕПЕЛ МАУНТ КАРМЕЛ

ОЛИВЕР ХАРТ

Оливер Харт

ТРАГЕДИЯ В УЭЙКО

Пепел Маунт Кармел

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог. Небо в огне

Глава 1. До того, как их назвали «культом»

Глава 2. Создание врага: ложь слепого свидетеля

Глава 3. Манипуляция властью: ордер на войну

Глава 4. Штурм, которого могло не быть

Глава 5. 51 день психологической пытки

Глава 6. День, когда погасло солнце: последний штурм

Глава 7. «Невиновных нет»: сокрытие правды и судебный фарс

Глава 8. Эхо Уэйко: «пазловое кодирование» и волна насилия

Глава 9. Глобальная сеть: скрытые механизмы Четвёртого рейха

Эпилог. Чтобы не повторилось

Список литературы

Пролог. Небо в огне

19 апреля 1993 года. В бескрайней тexasской степи, под выцветшим от зноя синим небом, догорал день, и вместе с ним догорали человеческие жизни. Над небольшим, уединенным поселением Маунт Кармел, приютившимся в окрестностях города Уэйко, поднимался чудовищный столб черного дыма — погребальный факел, видимый за десятки километров. Воздух, еще утром свежий и пронизанный ароматами весенних полевых цветов, теперь был пропитан едким запахом гари, химикатов и невыразимого, липкого ужаса. Хрупкие деревянные строения комплекса, которые десятки мужчин, женщин и детей с надеждой называли своим домом, были охвачены всепожирающим, яростным пламенем. Огонь не делал различий: он с одинаковой жадностью пожирал стены, мебель, детские игрушки, священные тексты, заветные надежды и человеческие тела.

Со стороны могло показаться, что это финал апокалиптического сценария, мрачного пророчества, которое так часто приписывали лидеру общины Дэвиду Корешу. Телевизионные камеры, расставленные на безопасном расстоянии, словно хищники, наблюдающие за агонией жертвы, транслировали это inferно в прямом эфире на всю Америку. Дикторы, с напряженными, но профессионально отстраненными лицами, комментировали происходящее, послушно повторяя официальную версию Федерального бюро расследований: «вооруженные религиозные фанатики», «опасный деструктивный культ», «массовое самоубийство». Для миллионов зрителей, прикованных к своим экранам в уютных гостиных, это была страшная, но закономерная, даже ожидаемая развязка 51-дневного противостояния между всемогущими силами правопорядка и горсткой «сектантов».

Дэвид Тибодо, один из немногих, кому посчастливилось вырваться из этого рукотворного огненного ада, вспоминал тот день с первобытным ужасом, который не в силах притупить прошедшие десятилетия. Его слова — это не просто воспоминание, это крик из преисподней, доносящийся до нас сквозь время. «Это было не похоже ни на что, что я когда-либо испытывал в своей жизни. Дышать было абсолютно невозможно. Воздух превратился в огонь. Глаза горели так, будто в них насыпали пригоршню битого стекла. Кожа пылала, словно ее медленно сдирали с тебя. Повсюду раздавались душераздирающие крики детей. Это был не просто слезоточивый газ, это был яд, предназначенный для того, чтобы мучить и убивать».

И в тот самый момент, когда Америка в прямом эфире, затаив дыхание, наблюдала за предсмертной агонией десятков людей, среди которых было двадцать пять детей, Генеральный прокурор Соединенных Штатов Джанет Рино, женщина, которая лично взяла на себя ответственность за штурм, с ледяным спокойствием заявляла на пресс-конференции, что использованный против них газ CS был всего лишь «незначительным раздражителем». Она, не моргнув глазом, назвала эту чудовищную бойню «гуманитарной акцией», предпринятой якобы для спасения детей. Этот вопиющий, циничный диссонанс между реальностью горящих заживо людей и хладнокровным спокойствием высших чиновников стал самым точным символом всей трагедии в Уэйко. Он обнажил пропасть между правдой и ложью, между правосудием и преступлением, совершенным от имени государства.

Что если всё, что видели и слышали миллионы людей в тот день, было лишь частью грандиозной, чудовищной постановки? Что если огонь, поглотивший Маунт Кармел, был зажжен не отчаявшимися и доведенными до безумия последователями Кореша, а хладнокровными и расчетливыми исполнителями чьей-то злой, невидимой воли? Что если сама история о «массовом самоубийстве» была последним актом в тщательно срежиссированном спектакле, призванном скрыть следы государственного и информационного терроризма?

Эта книга — не попытка переписать историю. Это отчаянная попытка ее восстановить, собрать по крупицам из пепла и лжи. Опираясь на рассекреченные правительственные документы, отчеты Конгресса США, протоколы судебных заседаний, свидетельства выживших очевидцев и выводы независимых баллистических и пожарно-технических экспертиз, мы шаг за шагом, день за днем, реконструируем цепь событий, приведших к одной из самых позорных и кровавых трагедий в современной американской истории. Мы покажем, что бойня в Уэйко не была ни трагической ошибкой, ни результатом фанатизма горстки верующих. Согласно многочисленным аналитическим документам и выводам независимых исследователей, это был тщательно спланированный и безупречно исполненный информационно-силовой теракт. Это была генеральная репетиция метода полного физического и информационного уничтожения неудобной социальной группы, полигон для отработки технологий, которые сегодня, усовершенствованные и адаптированные к цифровой эпохе, представляют смертельную угрозу для всего свободного мира.

Перед вами не просто история о гибели одной небольшой религиозной общины. Это анализ преступления, которое осталось безнаказанным. Преступления, чей пепел до сих пор стучит в сердца тех, кто ищет правду.

Глава 1. До того, как их назвали «культом»

Чтобы понять истинную глубину трагедии, разыгравшейся в Уэйко, необходимо совершить усилие и на время забыть о реве танковых моторов, об ослепляющем пламени, о едком запахе газа и громе выстрелов. Нужно стереть из памяти навязанный образ и вернуться в то время, когда ранчо Маунт Кармел было не «осажденной крепостью фанатиков», а просто домом. До того, как его жителей заклеямили уничижительным и расчеловечивающим ярлыком «культ», они были просто людьми. Это были семьи, которые, как и миллионы других по всему миру, искали свой собственный, уникальный путь к Богу. Они верили в пророчества, изучали Библию и строили свой маленький, несовершенный, но свой собственный мир посреди бескрайней техасской равнины.

Центральной фигурой этого мира был Вернон Хауэлл, молодой человек, позже взявший библейское имя Дэвид Кореш. Вопреки тому образу безумного, властолюбивого и деспотичного лидера, который так старательно и методично рисовала пропагандистская машина, современники, знавшие его лично, описывали его совершенно иначе. Это был поразительно харизматичный, музыкально одаренный человек, обладавший энциклопедическими познаниями Библии. Он мог часами, без единой запинки, цитировать Священное Писание, виртуозно связывая воедино пророчества Ветхого и Нового Заветов, находя параллели и смыслы, ускользавшие от традиционных теологов. Его проповеди привлекали людей со всех уголков мира — из Австралии, Великобритании, Канады, Израиля.

И это были не безвольные, сломленные марионетки, какими их пытались представить. Это были образованные, состоявшиеся, мыслящие личности: квалифицированные медсестры, школьные учителя, социальные работники, выпускники университетов. Люди, которые в сложном, а порой и враждебном мире искали ответы на вечные духовные вопросы и, которые нашли их в неортодоксальном учении Кореша. Они не были «завербованы» или «ззомбированы». Они сделали осознанный выбор, оставив прежнюю жизнь ради того, что считали высшей истиной.

Сама община «Ветвь Давидова» — ответвление Церкви адвентистов седьмого дня — существовала задолго до прихода Кореша, с 1950-х годов. Её члены традиционно вели скромный, довольно уединенный образ жизни, основанный на фундаментальных христианских принципах взаимопомощи, общего труда и коллективной ответственности. Они своими руками строили и ремонтировали свои дома, сообща выращивали овощи на

общем огороде, чинили технику. Жизнь была простой, аскетичной, но наполненной смыслом совместного служения.

Кореш, будучи талантливым рок-гитаристом и вокалистом, привнес в жизнь общины новую энергию. Он собрал из ее членов музыкальную группу под названием «Messiah». Длительные репетиции и совместные выступления стали важной частью их быта, способом прославления Бога и одновременно мощным инструментом для укрепления общинных связей, особенно среди молодежи. Музыка была их общей страстью, их молитвой, их языком.

В материалах, опубликованных независимыми журналистами и исследователями уже после трагедии, можно найти десятки фотографий, которые разительно отличаются от зловещего медийного образа «вооруженных до зубов фанатиков». На этих снимках — улыбающиеся люди на пикнике у озера; Дэвид Кореш, обнимающий свою жену Рэйчел и их маленьких детей, Сайруса и Стар; подростки, с энтузиазмом играющие на гитарах и барабанах; совместные праздники, дни рождения. Это были самые обычные, трогательные сцены семейной жизни, которые можно найти в любом семейном альбоме.

Соседи и местные жители Уэйко, которые регулярно контактировали с членами общины, в один голос отзывались о них как о мирных, вежливых и отзывчивых людях. Они не представляли никакой угрозы. «У них там были женщины, дети, старики. Все они были хорошими, добрыми людьми. Да, у них были свои убеждения, отличные от тех, что есть у других, возможно, отличные от ваших, особенно в том, что касается их религиозных взглядов. Но в своей основе они были хорошими людьми. Я довольно часто бывал среди них. Они всегда были милы, вежливы, занимались своими делами. Они никогда не были навязчивыми. Они всегда были чисты и учтивы. Они мне нравились». Давидианцы торговали оружием и запчастями на местных оружейных ярмарках, чинили автомобили в своей мастерской, закупали продукты в городских магазинах. Они вели дела с горожанами абсолютно спокойно и открыто, не вызывая никаких подозрений или враждебности. Миф об их полной изоляции и агрессивности был создан позже, искусственно.

Один из центральных, самых чудовищных пунктов обвинения, который позже станет формальным поводом для штурма — жестокое обращение с детьми — многократно и официально опровергался еще до начала осады. Служба защиты детей Техаса (Child Protective Services, CPS) проводила тщательные официальные проверки в Маунт Кармел. Согласно ее отчетам, социальные работники, беседовавшие с детьми и взрослыми и осматривавшие условия их жизни, не обнаружили абсолютно никаких доказательств

насилия, недоедания или ненадлежащего ухода. Дети жили вместе со своими родителями, были чисто и опрятно одеты, получали домашнее образование, основанное на библейских текстах, были окружены любовью и заботой. Они были частью одной большой семьи, где каждый взрослый нес ответственность за каждого ребенка. Этот документально подтвержденный факт был позже цинично проигнорирован, а затем и скрыт властями и СМИ.

Да, их вера была неортодоксальной. Да, их образ жизни был закрытым. Они искренне верили, что живут в последние времена, описанные в Апокалипсисе, и что Дэвид Кореш — это пророк, «Агнец», которому суждено раскрыть тайну Семи Печатей из Книги Откровения и подготовить избранных к встрече с Богом. Это, безусловно, делало их уязвимыми для критики, превращало в удобную мишень для насмешек. Но это не делало их преступниками.

Они владели оружием. Но для Техаса, штата с самыми либеральными оружейными законами в США, где владение автоматическим оружием является почти культурной нормой, это не является чем-то из ряда вон выходящим. Более того, это было неотъемлемой частью их легального бизнеса. Многие члены общины, включая самого Кореша, профессионально занимались куплей-продажей оружия и комплектующих на оружейных выставках по всему штату. Это был один из основных и абсолютно законных источников их дохода, что подтверждалось лицензиями и налоговыми декларациями.

До февраля 1993 года жизнь в Маунт Кармел текла своим чередом. Это был островок инакомыслия, построенный на фундаменте общей веры и общего труда. Люди здесь любили, рожали детей, работали, молились и играли музыку. Но именно это инакомыслие, их непохожесть на других, сделали их идеальной мишенью для тех, кто уже в тиши кабинетов готовил безжалостный сценарий их показательного уничтожения. Машина пропаганды еще не была запущена на полную мощность, и в новостных архивах того времени еще можно найти нейтральные или даже положительные репортажи о «необычных, но мирных соседях». Но где-то в тени уже методично плелась паутина лжи, которая очень скоро опутает Маунт Кармел и превратит его жителей из мирных верующих в «смертельно опасных сектантов», обреченных на страшную гибель.

Глава 2. Создание врага: ложь слепого свидетеля

Любой геноцид, любой акт массового насилия начинается не с выстрела, а со слова. Прежде чем уничтожить группу людей физически, ее исходя из антикультовой идеологии необходимо уничтожить информационно: дегуманизировать, лишить права на сочувствие, вылепить из нее образ абсолютной угрозы в глазах равнодушного общества. В случае с «Ветвью Давидовой» этот процесс был запущен с холодной точностью и стал образцово-показательным примером применения технологии, которую аналитики позже назовут «Римской формулой»: Нетерпимость → Дискриминация → Преследование. Это трехступенчатый процесс, отработанный веками, от преследования ранних христиан до Холокоста, и теперь адаптированный для эпохи массовых коммуникаций.

Первым, ключевым этапом стало создание атмосферы тотальной нетерпимости. И главными архитекторами этой ненависти, как неопровержимо показывают материалы последующих расследований, стали два человека: профессиональный «депрограммист» Рик Росс и бывший член общины Марк Брё. Их тандем стал тем тараном, который пробил брешь в общественном мнении и открыл дорогу для дальнейшей эскалации.

Рик Росс был циничным и беспринципным бизнесменом от «антикультизма». Он сделал себе имя и состояние на борьбе с так называемыми новыми религиозными движениями. Однако его «экспертиза» носила откровенно криминальный характер. Его основные методы, как сказано в докладе "Рекомендации экспертов по совершенствованию федеральных правоохранительных органов после событий в Уэйко" включали похищение людей по заказу их родственников с целью «депрограммирования». Этот эвфемизм скрывал под собой недели, а то и месяцы насильственного удержания, психологического давления, лишения сна и физического насилия. Целью было сломить волю человека и заставить его отречься от своей веры. Эта деятельность неоднократно приводила Росса на скамью подсудимых, и он был осужден за незаконное лишение свободы. Тем не менее для падких на сенсации СМИ и для некоторых коррумпированных представителей власти он оставался «авторитетным консультантом», готовым за солидный гонорар навесить ярлык «опасного культа» на любую неугодную группу.

Идеальным инструментом для Росса стал Марк Брё. Покинувший общину в 1989 году после конфликта с Дэвидом Корешем, Брё был преисполнен жадой мести. Он стал классическим примером «апостата» — бывшего члена группы, который, согласно анализу независимых журналистов, является главным и незаменимым оружием в арсенале

антикультовых организаций. За деньги, из чувства обиды или под давлением «депрограммеров» такие люди начинают рассказывать прессе и властям ужасающие истории, которые в подавляющем большинстве случаев являются либо полным вымыслом, либо чудовищным искажением и преувеличением реальных событий. Они создают образ «фальшивой жертвы», вызывая сочувствие у публики и требуя «решительных действий» против своих бывших единоверцев.

Заручившись финансовой и организационной поддержкой организации Cult Awareness Network (CAN), Росс и Брэ начали полномасштабную информационную войну. Через газеты, телешоу и прямые обращения в правоохранительные органы они начали распространять чудовищные обвинения в адрес Кореша и общины.

Главными темами клеветнической кампании стали три ключевых пункта, рассчитанных на максимальный общественный резонанс. Во-первых, незаконное хранение огромного арсенала автоматического оружия и подготовка к войне с правительством. Во-вторых, планы массового суицида по приказу Кореша — это была целенаправленная и зловещая аллюзия на трагедию в Джонстауне, которая произошла в 1978 году и до сих пор вызывала ужас у американцев. И в-третьих, самое мощное и безотказное оружие — обвинения в систематическом и садистском жестоком обращении с детьми, включая физическое и сексуальное насилие.

Эта кампания была запущена через местную газету «Waco Tribune-Herald», которая в течение нескольких дней публиковала серию сенсационных статей под общим заголовком «Грешный Мессия» (The Sinful Messiah). Статьи были наполнены шокирующими «подробностями» и «свидетельствами очевидца», основанными почти исключительно на словах Марка Брэ и «экспертных» комментариях Рика Росса и Стивена Хассана.

Но именно здесь, при внимательном рассмотрении, вскрывается самый гротескный и одновременно чудовищный факт, доказывающий полную и осознанную фабрикацию всего дела. Как было неопровержимо установлено в ходе последующих журналистских и парламентских расследований и подтверждено в сводных аналитических отчетах, Марк Брэ был слепым. Он полностью потерял зрение задолго до тех событий, которые он так красочно «описывал». Тем не менее в своих показаниях под присягой и в книге «*Inside the Cult*», написанной в соавторстве, он с невероятной детализацией «описывал» события, которые якобы видел собственными глазами: как Дэвид Кореш модифицировал оружие,

как выглядели изможденные и избитые дети, что именно происходило в разных комнатах огромного ранчо.

Этот абсурдный, но проигнорированный властями и журналистами факт демонстрирует, что истинной целью этой кампании была не правда, а создание образа врага любой ценой, даже ценой использования лжесвидетельств слепого человека. Ложь слепого свидетеля, многократно усиленная и растиражированная СМИ, стала тем гнилым, но прочным фундаментом, на котором было построено все дальнейшее дело против «Ветви Давидовой».

Кампания по демонизации религиозной группы «Ветвь Давидова» была запущена через СМИ. Распространялись ложные обвинения в жестоком обращении с детьми (опровергнутые проверками CPS), незаконном хранении оружия и планах массового суицида. Ключевой факт: основной информатор, Марк Брѐ, был слепым, но давал показания о событиях, которые якобы «видел». Это доказывает фабрикацию обвинений.

Созданный медийный шторм достиг своей цели. Общественное мнение было сформировано и отравлено. Жители Маунт Кармел перестали быть в глазах Америки людьми, соседями, верующими со своими странностями. Они превратились в «культ» — абстрактное, зловещее понятие, пугающий ярлык, обозначающий нечто нечеловеческое, с чем можно и нужно бороться самыми жесткими, самыми беспощадными методами. Почва для следующего этапа «Римской формулы» — манипуляции властью и прямого силового вмешательства — была обильно удобрена ложью и ненавистью.

Глава 3. Манипуляция властью: ордер на войну

Когда образ врага создан, а общественное мнение подготовлено и жаждет решительных действий, наступает второй, решающий этап «Римской формулы»: манипуляция государственными институтами. Абстрактная ненависть, разожженная в медиа, должна быть облечена в плоть закона, легализована, превратившись в официальный документ, который развяжет руки силовым структурам и даст им лицензию на насилие. В истории Уэйко таким документом, спусковым крючком всей трагедии, стал ордер на обыск, полученный от Бюро алкоголя, табака и огнестрельного оружия (ATF).

Как убедительно показывают многочисленные аналитические материалы и рассекреченные документы, Рик Росс и криминальная сеть антикультистов, организационно оформленная в виде Cult Awareness Network (CAN), имели прямой, неформальный доступ к высшему руководству ATF и, впоследствии, ФБР. Они не были просто «обеспокоенными гражданами». Они выступали в роли официальных консультантов и «экспертов по культам». Их «экспертные» заключения, полностью основанные на сфабрикованных показаниях слепого Марка Брэ и общей антикультовой идеологии, ложились в основу стратегических планов будущей силовой операции. «Ветвь Давидова» была представлена руководству ATF не как религиозная община с легальным оружейным бизнесом, а как «вооруженные до зубов фанатики-апокалиптики, готовящиеся к священной войне с правительством США».

Ключевую роль в этом процессе перевода пропаганды на сухой язык бюрократии сыграл специальный агент ATF Дэйви Агилера. Именно он был ответственным за составление аффидевита — письменного показания под присягой, необходимого для получения у судьи ордера на обыск. Этот документ, позже тщательно изученный следователями Конгресса и независимыми аналитиками, оказался не добросовестным изложением фактов, а виртуозной компиляцией слухов, домыслов, преувеличений и прямой, наглой лжи.

Главным юридическим «крючком» аффидевита стало утверждение, что у общины имеется незаконно модифицированное автоматическое оружие, в частности, винтовки AR-15, переделанные для ведения огня очередями. Это обвинение, даже если бы оно частично соответствовало действительности, касалось лишь нескольких единиц оружия. Однако в аффидевите оно было представлено так, будто давидианцы создают целый нелегальный

арсенал. Позже выяснится, что оружие в Маунт Кармел было приобретено и хранилось абсолютно легально в рамках их зарегистрированного и лицензированного бизнеса.

Но самое главное, affidavit Агилеры был до краев наполнен шокирующими, псевдодокументальными деталями о жизни внутри общины, взятыми напрямую из фантастических рассказов слепого Марка Брэ. В нем с ужасающими подробностями описывались немыслимые санитарные условия, в которых якобы жили дети, систематические избиения, сексуальное насилие со стороны Кореша над несовершеннолетними, психологический террор и подготовка к массовому суициду. Все это, как мы помним, было полностью опровергнуто официальными отчетами Службы защиты детей Техаса (CPS). Агент Агилера не мог не знать об этих отчетах. Следовательно, он либо сознательно их проигнорировал, либо намеренно скрыл от судьи, что является преступлением — лжесвидетельством под присягой.

Таким образом, ордер на обыск, который по закону должен был служить для мирной проверки обоснованных подозрений, был с самого начала составлен как ордер на войну. Он создавал у рядовых агентов, которым предстояло его исполнять, абсолютную и непоколебимую уверенность в том, что они имеют дело не с гражданами, чьи конституционные права нужно уважать, а с опаснейшими, дегуманизированными преступниками, готовыми в любой момент открыть огонь и убить своих собственных детей. Психологическая подготовка к штурму началась задолго до самого штурма, прямо на страницах этого сфальсифицированного документа.

Более того, план операции с самого начала исключал любые мирные варианты. Дэвид Кореш не был затворником. Он регулярно покидал ранчо, ездил в город Уэйко за покупками, встречался с людьми. Его можно было арестовать тихо, без единого выстрела и без малейшего риска для жизни десятков женщин и детей — в супермаркете, на заправке, на выходе из магазина. Этот неоспоримый факт был прекрасно известен руководству ATF. Однако, вместо мирного ареста лидера (который был возможен) был спланирован и осуществлен полномасштабный военный штурм с привлечением вертолетов и десятков агентов. Был выбран самый радикальный, самый кинематографичный и самый кровопролитный сценарий.

Почему? Ответ становится очевиден, если рассматривать эти события не как стандартную полицейскую операцию, а как спланированную провокацию и PR-акцию. Целью было не изъять несколько нелегально модифицированных винтовок. Целью было создать захватывающую картинку для телевидения: героический штурм логова «опасного

культа», который подтвердит все мифы, созданные антикультовой пропагандой, и оправдает любые дальнейшие, еще более жесткие действия.

27 февраля 1993 года, в субботу, судья федерального суда, введенный в заблуждение аффидевитом Агилеры, подписал ордер. Часовой механизм трагедии был запущен. Обратный отсчет пошел. До первого выстрела, до первой смерти, до начала бойни оставались считанные часы.

Глава 4. Штурм, которого могло не быть

Утро воскресенья, 28 февраля 1993 года, в Маунт Кармел начиналось как обычно. Ранний подъем, молитва, завтрак, рутинные дела. Но мирное и размеренное течение жизни было грубо нарушено нарастающим гулом приближающихся грузовиков для перевозки скота. В их крытых кузовах, прячась от посторонних глаз, как в троянском коне, находились почти 80 агентов ATF, одетых в черную тактическую униформу, вооруженных штурмовыми винтовками и готовых к бою. Грандиозная операция под кодовым названием «Showtime» («Время шоу») началась.

То, что произошло в последующие два часа, до сих пор является предметом ожесточенных споров и противоречивых показаний. Однако факты, установленные в ходе последующего парламентского расследования и подтвержденные показаниями незаинтересованных свидетелей, рисуют однозначную картину: первый штурм был не просто тактической неудачей, а преднамеренно спровоцированной катастрофой, прямой результат действий самих агентов.

Согласно официальной версии ATF, которую они представили общественности сразу после бойни, агенты с соблюдением всех процедур подошли к главному входу в здание с требованием исполнить ордер на обыск, и в ответ изнутри был немедленно открыт шквальный и неспровоцированный огонь. Эта версия рисовала картину вероломного нападения фанатиков на представителей закона.

Однако показания выживших членов общины и даже некоторых независимых наблюдателей рассказывают совершенно другую историю. Дэвид Кореш, узнав о приближении силовиков (о чем ниже), действительно вышел на крыльцо. Он был без оружия. Он поднял руки вверх в универсальном жесте примирения и громко крикнул: «Подождите! Стойте! Здесь женщины и дети! Давайте поговорим!» Он пытался предотвратить кровопролитие. В этот самый момент, по многочисленным свидетельствам изнутри, со стороны атакующих агентов ATF раздались первые выстрелы. Кто именно выстрелил первым, навсегда останется тайной, похороненной под обломками Маунт Кармел. Но именно эти первые выстрелы стали сигналом к началу полномасштабной бойни.

Агенты, действуя по заранее отработанному плану, начали штурм одновременно с нескольких сторон. Они забрасывали окна светошумовыми гранатами и пытались прорваться внутрь. Осажденные, находясь в полной уверенности, что на них напали не с

целью ареста, а с целью тотального уничтожения (именно такой сценарий им предрекала их апокалиптическая теология), открыли ответный огонь, защищая свои дома и свои семьи. Завязалась ожесточенная перестрелка, которая длилась около двух часов. Результат был трагичен для обеих сторон: четыре агента ATF были убиты, еще шестнадцать получили ранения. Со стороны «Ветви Давидовой» погибли шесть человек, включая мирных жителей, не державших в руках оружия. Сам Дэвид Кореш был тяжело ранен в бок и запястье.

Но главный вопрос, который ставит под сомнение всю официальную версию, звучит так: зачем вообще был нужен этот штурм? Как уже неоднократно говорилось, у ATF была масса возможностей арестовать Кореша за пределами ранчо — тихо, буднично и безопасно. Но и это не все. Элемент внезапности, на который якобы делалась ставка, был полностью и комично утрачен. Один из местных тележурналистов, получивший конфиденциальную наводку от своего источника в ATF о готовящемся рейде, в попытках найти дорогу к ранчо по ошибке спросил направление у местного почтальона. Почтальон, как по иронии судьбы, оказался шурином Дэвида Кореша. Он немедленно предупредил общину о готовящемся нападении.

Они знали, что к ним едут. Более того, сообщается, что Кореш, получив это предупреждение, говорил по телефону с Робертом Родригесом, агентом ATF под прикрытием, который несколько месяцев жил в общине и покинул ее буквально за час до штурма. Кореш умолял Родригеса передать своему начальству просьбу отложить рейд. Он обещал мирно сдаться после того, как завершит свою проповедь, посвященную Семи Печатам. Он давал слово. Но команда «стоп» так и не поступила. Машину было уже не остановить. Кодовое название операции «Время шоу» оказалось зловеще пророческим и предельно точным.

Операция обернулась кровавым провалом и национальным позором. Вместо триумфа и героических заголовков агентство ATF получило гробы своих сотрудников, покрытые национальным флагом, и унижительное тактическое поражение от группы верующих.

Провальный штурм немедленно привел к передаче контроля над всей операцией в руки Федерального бюро расследований (ФБР). Казалось бы, теперь, после бессмысленного кровопролития, должен был появиться шанс на деэскалацию, на мирное разрешение конфликта. Но на самом деле трагедия лишь перешла в свою следующую, еще более страшную и затяжную фазу. Провал ATF нужно было чем-то перекрыть. И теперь на

кону стояла уже не просто репутация одного бюро, а честь и авторитет главной спецслужбы Америки. Отступать было нельзя. Началась 51-дневная осада, которая превратилась в зловещую лабораторию по применению самых изощренных и садистских методов психологической войны, когда-либо применявшихся правительством США против собственных граждан.

Глава 5. 51 день психологической пытки

После кровавого провала штурма 28 февраля ранчо Маунт Кармел превратилось в осажденную крепость. Руководство операцией полностью перешло к ФБР, которое с размахом развернуло вокруг небольшого комплекса масштабный военный лагерь. На техасские поля были стянуты сотни агентов в полной боевой выкладке, десятки единиц бронетехники, включая танки и боевые машины пехоты, а в небе постоянно кружили вертолеты. Началась самая длинная и самая дорогая осада в современной истории США. Но это была не просто осада. Это был полигон. Полигон для испытания жестоких, бесчеловечных методов психологического давления, которые были прямо рекомендованы и курировались все теми же «антикультистами», идеологами этой бойни.

Рик Росс и его коллега Стивен Хассан, автор псевдонаучной теории о «промыывании мозгов», немедленно стали главными консультантами ФБР на месте событий. Их основная «экспертная» идея была проста и чудовищна: последователи Кореша не являются полноценными людьми с собственной волей. Они — «зазомбированные» жертвы, не способные к рациональному мышлению и принятию самостоятельных решений. Следовательно, любые осмысленные переговоры с ними, особенно с их лидером, бессмысленны и даже вредны, так как лишь укрепляют его контроль. Единственный способ «спасти» этих людей — это полностью сломить их волю, разрушить их психику и заставить подчиниться силе.

Таким образом, осада с самого начала превратилась не в операцию по спасению, а в операцию по массовому принудительному «депрограммированию». Арсенал методов, примененных ФБР по указке этих «экспертов», был поистине садистским и напоминал средневековые пытки, но в современном технологическом исполнении.

Во-первых, осажденных, среди которых было более двух десятков детей, лишали сна. Ночью мощные, слепящие прожекторы, установленные на вышках, били прямо в окна здания, превращая ночь в день и не давая людям уснуть. Во-вторых, была развернута круглосуточная акустическая атака. Через огромные динамики, установленные по периметру, на оглушающей громкости транслировалась самая разнообразная какофония звуков: поп-музыка, рождественские песни в апреле, тибетские буддийские мантры, и, что самое жуткое и мучительное, многочасовые записи мучительных предсмертных звуков — визга и криков убиваемых кроликов. Цель этой пытки была очевидна: довести осажденных

до полного нервного истощения, спровоцировать панику, безумие и раскол внутри общины.

Эта беспрецедентная психологическая война имела и другую, еще более зловещую и скрытую сторону. В какой-то момент, как подтверждается в рассекреченных аналитических документах, ФБР привлекло к консультациям весьма специфическую фигуру — российского ученого Игоря Смирнова, которого на Западе прямо называли «отцом психотронного оружия». Эта часть истории, долгое время остававшаяся в тени, заслуживает отдельного, более пристального рассмотрения, так как она выводит трагедию в Уэйко на совершенно новый уровень — уровень применения технологий контроля над сознанием.

Игорь Смирнов не был случайным ученым. Он был сыном Виктора Абакумова, могущественного главы сталинской военной контрразведки СМЕРШ («Смерть шпионам») во время Второй мировой войны, а затем и министра государственной безопасности СССР. Смирнов-младший, по сути, продолжил семейную традицию работы в тени, но на совершенно ином, наукоемком поприще. Он был специалистом в области так называемой «психозкологии» и разработал технологии компьютерного анализа и коррекции человеческого подсознания. Его метод «психозондирования» позволял с помощью специальных тестов и компьютерной обработки считывать скрытую, неосознаваемую информацию из глубин психики. А его метод «психокоррекции» — внедрять туда нужные мысли, команды и установки, обходя барьер сознательного, критического контроля. По сути, это было то самое «промывание мозгов», в котором антикультисты лицемерно обвиняли других, но теперь в высокотехнологичном, наукообразном исполнении.

В контексте осады в Уэйко, по одной из версий, изложенной в расследованиях, планировалось использовать технологию Смирнова для трансляции через динамики «голоса Бога». Этот «голос» должен был содержать скрытые, подпороговые (сублиминальные) команды, которые приказали бы Дэвиду Корешу и его последователям немедленно и безоговорочно сдаться. Жуткие и хаотичные крики животных могли быть идеальным акустическим прикрытием, «белым шумом», маскирующим передачу таких кодирующих сигналов. Человеческий мозг, находясь в состоянии крайнего стресса, истощения и пытаясь распознать смысл в этом хаотичном шуме, становился особенно восприимчивым к скрытым, подсознательным сообщениям.

Насколько далеко зашли эти эксперименты ФБР над собственными гражданами, точно неизвестно. Но одна цитата из материалов расследования, заставляет кровь стынуть

в жилах. Когда один из агентов ФБР спросил доктора Смирнова, что произойдет, если подсознательные сигналы не сработают так, как задумано, или вызовут непредвиденную реакцию, Смирнов, по свидетельству очевидца, с холодной отстраненностью ученого ответил: «В этом случае последователи Кореша могут просто перерезать друг другу плотки, совершая внезапные и немотивированные акты фатального насилия».

Этот ответ раскрывает всю чудовищную, запредельную безответственность и цинизм организаторов осады. Они были готовы пойти на крайне рискованный и непредсказуемый психологический эксперимент над десятками людей, включая маленьких детей, не имея ни малейшего представления о возможных последствиях. Жизни заложников, которых они якобы «спасали», превратились в разменную монету, в лабораторных крыс в жестоком эксперименте спецслужб и их сомнительных консультантов из сети антикультистов.

День за днем, неделя за неделей люди внутри Маунт Кармел подвергались этому непрерывному физическому и психологическому давлению. Переговоры, которые велись параллельно, заходили в тупик. ФБР, подстрекаемое «экспертами», требовало только одного — немедленной и безоговорочной капитуляции. В то время как Кореш, искренне видя в происходящем исполнение библейских пророчеств о великой скорби, пытался выиграть время, чтобы закончить свою главную работу — письменное толкование тайны Семи Печатей из Книги Откровения.

Психологическая война не приносила быстрых результатов. Осада затягивалась, превращаясь в дорогостоящий и унижительный для правительства медиа-спектакль. В Белом доме и Министерстве юстиции росло давление: необходимо было как можно скорее закончить эту операцию, любой ценой. Решение, которое было принято в итоге, оказалось самым страшным и самым окончательным из всех возможных. Оно превратит 51-й день осады в последний день для большинства жителей Маунт Кармел.

Глава 6. День, когда погасло солнце: последний штурм

19 апреля 1993 года. Утро понедельника. 51-й день осады. Над тexasской равниной медленно вставало солнце, но для людей, запертых внутри хрупких стен «Маунт Кармел», оно уже никогда не будет светить по-настоящему. Воздух внутри помещений был пропитан застарелым напряжением, страхом и остатками слезоточивого газа от предыдущих дней психологической войны. Люди, измотанные бессонницей и непрекращающимся шумом, молились. Они до последнего верили, что Бог их защитит, что произойдет чудо.

Ровно в 6:00 утра по местному времени тишину разорвал рев мощных дизельных двигателей. Инженерно-штурмовые машины (Combat Engineering Vehicles, CEV), представлявшие собой модифицированные боевые танки M60, начали свой последний, смертоносный танец вокруг обреченного здания. Их тяжелые ковши с отвратительным скрежетом и треском вгрызались в тонкие деревянные стены, с легкостью проламывая огромные дыры. Но они несли не спасение и не свободу. Через эти зияющие проломы в здание начали закачивать тонны слезоточивого газа CS — химического вещества, которое по своей токсичности классифицируется как боевое отравляющее средство. Вещества, запрещенного Женевской конвенцией 1925 года для использования в военных действиях против солдат противника, но почему-то разрешенного американским правительством для использования против собственных граждан, среди которых были беременные женщины, младенцы и старики.

Генеральный прокурор Джанет Рино, как мы помним, позже назовет этот смертоносный газ всего лишь «незначительным раздражителем». Но для тех, кто оказался в его облаке, это был ад на земле, химический апокалипсис. Дэвид Тибодо, один из девяти выживших, описывал этот момент с ужасом, который не притупился за десятилетия: «Это было не похоже ни на что, что я когда-либо испытывал. Дышать было невозможно. Каждый вдох обжигал легкие огнем. Глаза горели так, будто в них насыпали битого стекла. Кожа пылала, покрываясь волдырями. Повсюду раздавались отчаянные, душераздирающие крики детей, которые не понимали, что происходит. Это был не газ, это был яд».

Матери в панике метались по комнатам, пытаясь укрыть своих детей мокрыми одеялами, затащить их в самые дальние, еще не загазованные уголки здания. Но танки методично, одна за другой, пробивали новые и новые дыры, обеспечивая тотальное и

равномерное распространение яда. Газ CS тяжелее воздуха, и он медленно, но неумолимо оседал вниз, скапливаясь в подвальных помещениях и именно там, где пытались спрятаться самые маленькие и беззащитные. В бетонной комнате, которую жители называли «бункером», матери плотно укутывали своих младенцев в одеяла и простыни, в отчаянной, слепой надежде спасти их от химической атаки. Они не знали, что тем самым обрекают их на медленную смерть от удушья, когда под плотной тканью закончится кислород, или на мучительную гибель в огне, который вспыхнет через несколько часов. Противогазов, которые могли бы спасти их, у детей не было — стандартные армейские модели, которые имелись у некоторых взрослых, были им безнадежно велики.

Около полудня, примерно в 12:07 по местному времени, когда газовая атака длилась уже шесть часов, над «Маунт Кармел» показались первые робкие языки пламени. Официальная версия ФБР, мгновенно, как по команде, подхваченная и растиражированная всеми мировыми СМИ, гласила: «Давидианцы совершили массовое самоубийство, они сами подожгли свой дом, исполнив приказ Кореша». Эта наглая, циничная ложь стала краеугольным камнем всей последующей операции прикрытия, последним гвоздём в крышку гроба, где была похоронена правда. Но факты, упрямые, неопровержимые и страшные, кричали об обратном.

Во-первых, как показали независимые экспертизы и анализ инфракрасных съёмок с воздуха, сделанных разведывательным самолётом во время штурма, возгорание произошло практически одновременно в трёх разных, не связанных между собой точках здания. Это было бы возможно только при скоординированном и заранее спланированном поджоге, но люди, ослеплённые, дезориентированные, задыхающиеся от газа и находящиеся на грани потери сознания, едва могли передвигаться, не то что синхронно исполнять чей-то сложный приказ о самосожжении.

Во-вторых, как указывали выжившие и независимые пожарно-технические эксперты, танки CEV, варварски проламывая стены и круша всё на своём пути, с лёгкостью могли опрокинуть многочисленные керосиновые лампы, канистры и бочки с топливом, которые жители использовали для освещения и обогрева после того, как ФБР в первые дни осады отключило им электричество. Более того, сам химический состав газа CS, особенно в виде мелкодисперсного аэрозоля, который использовался при штурме, является легковоспламеняющимся. Любая случайная искра от разрушаемой танком электропроводки или от трения металлического ковша о бетонные конструкции могла стать детонатором для объемного взрыва газозвушной смеси.

В-третьих, и это самое ужасающее и неопровержимое доказательство преступного умысла, танки ФБР продолжали блокировать основные выходы и методично разрушать здание даже после того, как оно было полностью охвачено пламенем. Они не давали людям выбраться. Они превращали их дом в смертельную огненную ловушку, погребая под горящими обломками тех, кто ещё мог бы спастись. Они целенаправленно обрушивали крышу, создавая эффект гигантской доменной печи, в которой температура достигала сотен градусов. Пожарные машины, которые все это время стояли в нескольких милях от ранчо, не были вызваны на место трагедии в течение почти часа. Когда они наконец прибыли, им был отдан приказ не тушить основное горящее здание с людьми внутри, а лишь защищать от огня соседние постройки и дорогостоящую военную технику ФБР.

Мир в прямом эфире наблюдал, как «Маунт Кармел» превращается в гигантский погребальный костёр. Семьдесят пять человек, включая двадцать пять детей, самому младшему из которых был всего год от роду, сгорели заживо, задохнулись от ядовитого газа или были раздавлены под рухнувшими конструкциями. Среди погибших был и сам Дэвид Кореш

Кэтрин Шрёдер, чудом выжившая в том аду, но потерявшая в нём своего мужа Майкла и четверых детей, позже скажет слова, полные невыразимой боли и ярости, слова, которые должны быть высечены на гранитном памятнике этой трагедии: «Они говорят, что мы убили себя. Они лгут. Они убили нас. Они травили нас газом, они разрушили наш дом, они не дали нам выйти... Они стояли и смотрели, как мы горим».

Финальный штурм «Маунт Кармел» не был неудачной операцией по спасению заложников. Заложников там не было. Там были верующие люди в своём собственном доме, осаждённом собственной властью. Это была тщательно спланированная и хладнокровно исполненная карательная акция, акт государственного терроризма в чистом виде. Целью было не спасение, а полное и окончательное уничтожение. Уничтожение свидетелей. Уничтожение общины. Уничтожение правды. И на дымящемся пепелище своего дома они оставили вечный, неразрешимый вопрос, который до сих пор отравляет совесть Америки: кто на самом деле был монстром в Уэйко?

Глава 7. «Невиновных нет»: сокрытие правды и судебный фарс

Когда последнее пламя над «Маунт Кармел» угасло, оставив после себя лишь дымящиеся, почерневшие руины и тошнотворный трупный смрад, смешанный с запахом химикатов, началась вторая, не менее жестокая и циничная фаза операции — информационная. Теперь нужно было не просто замести физические следы преступления, но и убедить весь мир в том, что погибшие сами виноваты в своей страшной смерти. Задачей номер один было превратить жертв в преступников, а палачей — в героев, действовавших в рамках закона. И огромная, неповоротливая машина государственной пропаганды, обильно смазанная ложью и «экспертными» заключениями антикультистов, заработала на полную мощность.

Главным архитектором и публичным лицом этого масштабного прикрытия стала тогдашний Генеральный прокурор Соединенных Штатов Джанет Рино. Именно она, выступая перед десятками телекамер, с суровым и уверенным видом взяла на себя полную публичную ответственность за решение о штурме. Она представила эту бойню как вынужденную и тяжелую, но необходимую «гуманитарную акцию», предпринятую якобы из-за «невыносимых и ухудшающихся условий для детей» внутри комплекса. Эта циничная риторика полностью игнорировала тот очевидный факт, что именно действия ФБР на протяжении 51 дня осады — лишение сна, психологические пытки, отключение воды и электричества — превратили жизнь этих детей в ад, а финальный штурм с применением боевого газа и вовсе оборвал их жизни.

Сразу после трагедии началось так называемое «расследование». Слово «расследование» здесь следует взять в самые жирные кавычки, потому что его основной и единственной целью был не поиск истины, а ее окончательное и безвозвратное захоронение под тоннами официальных бумаг. Место трагедии было немедленно оцеплено, и доступ независимым экспертам и журналистам был категорически воспрещен. Спустя всего несколько дней, не дожидаясь выводов независимых криминалистов, бульдозеры ФБР с оглушительным ревом сровняли с землёй всё, что осталось от «Маунт Кармел». Конструкции здания, которые могли бы рассказать экспертам о траектории пуль, истинных источниках возгорания и характере разрушений, были безжалостно превращены в груды мусора, погружены на самосвалы и вывезены в

неизвестном направлении. Ключевые вещественные доказательства были уничтожены с поразительной, почти панической поспешностью.

Тела погибших, многие из которых были обуглены до полной неузнаваемости, подверглись патологоанатомическим экспертизам, результаты которых удивительным образом подгонялись под официальную версию событий. Пулевые отверстия в останках стен и конструкций, которые могли бы доказать, что агенты ФБР вели прицельный огонь по зданию во время пожара, были списаны на «выходные отверстия» от выстрелов, якобы произведенных изнутри самими давидианцами. Показания независимых экспертов-химиков, которые утверждали о высокой вероятности воспламенения от примененного газа CS, систематически игнорировались или высмеивались.

В 1999 году, спустя шесть лет после трагедии, под мощным давлением общественности, выживших и новых, всплывших доказательств, был назначен специальный советник Джон Дэнфорт для проведения нового, якобы независимого расследования. Миллионы американцев, не веривших в официальную ложь, надеялись, что правда наконец восторжествует. Однако «Отчёт Дэнфорта», опубликованный в 2000 году, стал финальным, оглушительным аккордом в этой грандиозной симфонии лжи. Он полностью оправдал действия правительства, заключив, что федеральные агенты не стреляли по зданию во время пожара и не были причиной его возникновения. Отчёт вновь списал всю вину на «массовое самоубийство» и религиозный фанатизм «Ветви Давидовой».

Но, пожалуй, самой позорной и сюрреалистической страницей в истории последствий Уэйко стал судебный процесс над выжившими давидианцами. Девять человек, чудом спасшихся из огненного ада, вместо статуса жертв и потерпевших, вместо психологической помощи и сострадания, получили статус обвиняемых. Их, людей, которые на своих глазах видели гибель своих детей, супругов, друзей, которые потеряли все, что у них было, судили за «заговор с целью убийства федеральных агентов» во время первого штурма 28 февраля.

Процесс превратился в откровенный фарс, в театр абсурда. Государственные обвинители продолжали демонизировать подсудимых, изображая их как опасных, безжалостных террористов. Любые доказательства защиты игнорировались. Свидетельства выживших о том, кто на самом деле начал стрельбу 28 февраля и что в действительности происходило во время осады и пожара, объявлялись ложью, попыткой уйти от ответственности. В итоге, несмотря на то что присяжные оправдали их по самому

тяжкому обвинению в заговоре, пятеро из девяти подсудимых были признаны виновными по различным, менее значительным пунктам, связанным с использованием оружия, и приговорены к абсурдно длительным срокам тюремного заключения — вплоть до 40 лет. Те немногие, кто выжил в бойне, устроенной государством, были брошены за решётку этим же самым государством.

Как отмечает группа независимых журналистов: «истинные виновники так и не были наказаны, а власти, отчаянно скрывая свои преступления, с мстительной жестокостью продолжали преследовать выживших давидианцев, превратив их жизнь в бесконечный кошмар».

А что же антикультисты — идеологи и подстрекатели этой бойни? Что стало с ними? Рик Росс, Марк Брё, Стивен Хассан и их преступная организация Cult Awareness Network (CAN) не просто избежали какой-либо ответственности. Они превратили трагедию в свой величайший триумф. Уэйко стало для них кровавым, но неопровержимым доказательством собственной правоты и ужасающей эффективности их методов. Они с гордостью выступали на всех телеканалах как «герои-провидцы», писали книги, читали лекции, монетизируя кровь невинных людей. Их криминальный бизнес по «депрограммированию», основанный на похищениях и насилии, процветал как никогда. Трагедия в Уэйко стала для них самой успешной и самой кровавой рекламной кампанией в истории. Они наглядно доказали, что их ложь обладает достаточной силой, чтобы заставить самое могущественное государство в мире убивать своих собственных граждан.

Судебный фарс и операция прикрытия достигли своей краткосрочной цели. В глазах большинства обывателей, не склонных к критическому анализу, «Ветвь Давидова» навсегда осталась сектой сумасшедших фанатиков, покончивших с собой. Правда была похоронена под тоннами мусора на месте снесенного «Маунт Кармел», залита бетоном официальных отчётов и замурована высокими тюремными стенами, в которых оказались выжившие. Но, как известно, у лжи короткие ноги, а правда, даже сожжённая и оскверненная, однажды неизбежно прорастает из пепла.

Глава 8. Эхо Уэйко: «пазловое кодирование» и волна насилия

Трагедия в Уэйко не закончилась 19 апреля 1993 года вместе с последними искрами догорающего ранчо. Она стала зловещим прологом, открывшим новую, беспрецедентно жестокую эру насилия, которая захлестнула Америку и продолжает отзываться кровавым эхом по сей день. Пожар в «Маунт Кармел» был не просто концом одной религиозной общины; он стал мощным детонатором, запустившим цепную реакцию, последствия которой мы до сих пор не можем до конца осознать. Это было долгое эхо Уэйко, многократно усиленное и искажённое зловещей технологией, которую исследователи в области информационной безопасности называют «пазловым кодированием» (Puzzle piece coding).

Суть этой технологии, наглядно продемонстрированной в документальном фильме-расследовании «The IMPACT», заключается в создании и целенаправленном распространении определённого информационного кода через средства массовой информации и массовую культуру. Этот код состоит из набора «пазлов» — ярких, эмоционально заряженных образов, запоминающихся фраз, символов, музыкальных тем и, самое главное, детализированных сценариев поведения. Когда человек с нестабильной психикой, часто молодой, социально изолированный и находящийся в состоянии глубокого внутреннего конфликта, интенсивно поглощает эти «пазлы» из новостных репортажей, художественных фильмов, жестоких видеоигр и социальных сетей, в его подсознании они постепенно складываются в готовую, целостную программу действий. Медиа в этом случае не просто информируют о насилии — они его программируют, создавая так называемых «управляемых стрелков», спящих агентов, которые могут быть активированы в нужный момент.

Первым и самым громким эхом, раскатившимся от пожарища в Уэйко, стал чудовищный теракт в Оклахома-Сити. 19 апреля 1995 года, ровно через два года после штурма «Маунт Кармел» — дата была выбрана не случайно, — ветеран войны в Персидском заливе Тимоти Маквей взорвал заминированный грузовик у федерального здания имени Альфреда Марра. В результате взрыва погибло 168 человек, включая 19 маленьких детей, находившихся в детском саду на первом этаже здания. Маквей никогда не скрывал, что его действия были актом прямой мести правительству за Уэйко и за другой

инцидент в Руби-Ридж. Он стал первым, кто собрал смертоносный «пазл», оставленный поджигателями Уэйко. Он просто воспроизвел сценарий.

Но настоящий ящик Пандоры открылся 20 апреля 1999 года — дата, подозрительно близкая к годовщине Уэйко и, что немаловажно, к дню рождения Адольфа Гитлера, что вряд ли является простым совпадением. В этот день двое подростков, Эрик Харрис и Дилан Клиболд, устроили тщательно спланированную бойню в своей школе «Колумбайн». Этот инцидент стал точкой невозврата. Харрис и Клиболд, благодаря подробнейшему освещению в СМИ, превратились для миллионов дезадаптированных подростков по всему миру в культовые фигуры, в ролевые модели для подражания. СМИ с нездоровым упоением смаковали каждую деталь их жизни и преступления: их длинные черные плащи, выбранное ими оружие, их личные дневники, полные ненависти и планов, их предсмертные видеозаписи, известные как "Basement Tapes". Они создали интернет-субкультуру «колумбайнеров», снабдив потенциальных подражателей исчерпывающей инструкцией.

Как справедливо отмечают независимые журналисты-расследователи, такое подробное и романтизированное освещение действий стрелков в СМИ превратилось, по сути, в «детальную пошаговую инструкцию» для будущих убийц. Каждая новая трагедия порождала десятки статей, телесюжетов, документальных и даже художественных фильмов, которые, в свою очередь, становились новыми, еще более совершенными «пазлами» для будущих стрелков. Возник так называемый «эффект заражения», или «эффект Вертера», когда один широко освещенный массовый расстрел провоцировал целую серию аналогичных инцидентов. Анализ статистических данных, представленный в фильме «The IMPACT», показывает почти экспоненциальный рост числа школьных расстрелов в США именно после 1999 года. Это не трагическая случайность. Это результат слаженной работы конвейера смерти, запущенного и отлаженного антикультистами и их пособниками в медиа.

Механизм «пазлового кодирования, как описывают его исследователи, работает в несколько этапов. Сначала через популярные у целевой аудитории (чаще всего, молодежи) каналы — видеоигры, музыкальные клипы, фильмы, социальные сети — запускаются так называемые «подготовительные волны». Они содержат скрытые подсознательные установки, нормализующие насилие и формирующие определенную систему ценностей. Затем идут «наводящие волны», которые сужают круг потенциальных исполнителей, предлагая им более конкретные образы и модели поведения. И, наконец, финальный «пазл», которым часто становится громкий новостной сюжет или медийное событие

(например, очередной школьный расстрел), служит триггером, спусковым крючком, который активирует заложенную в подсознании программу и толкает человека к совершению преступления. Одним из побочных эффектов такого массового кодирования является резкий и необъяснимый рост случаев диагностирования биполярного аффективного расстройства среди молодёжи в целевых регионах, который может быть вызван внутренним конфликтом между сознанием человека и внедрёнными в его подсознание чужеродными установками.

Трагедия в Уэйко стала для этой зловещей системы отправной точкой, «пазлом номер один». Она легитимизировала насилие как способ решения социальных и религиозных проблем. Она создала страшный прецедент, когда государство под влиянием антикультистов может безнаказанно, уничтожить целую группу людей, предварительно демонизировав её в СМИ. Пропаганда антикультистов, создавшая образ «опасного культа», который необходимо уничтожить для «спасения детей», стала универсальным, многократно повторяемым шаблоном. Этот же самый шаблон — создание образа врага («буллеры», «общество», «система») и призыв к его тотальной ликвидации — лёг в основу «пазловое кодирования» для школьных стрелков, неонацистских террористов и политических экстремистов всех мастей.

И все это было бы невозможно без зловещей фигуры, стоявшей в тени и трагедии в Уэйко, и многих последующих событий — Игоря Смирнова, которого на Западе не зря окрестили «отцом психотронного оружия». Его технологии манипуляции сознанием, разработанные в недрах закрытых советских НИИ, нашли идеальное применение в руках глобальной сети антикультистов. Сочетание грубого психологического программирования через СМИ («пазловое кодирование») и, возможно, прямого, тонкого психофизического воздействия с использованием технологий Смирнова позволило превратить отдельных, психически уязвимых людей в управляемых биороботов, готовых без колебаний исполнить любой, даже самый чудовищный приказ, заложенный в их подсознание.

Таким образом, пепел «Маунт Кармел» осел не только на выжженной техасской земле. Он невидимой ядовитой пылью разнёсся по всей Америке и по всему миру, отравляя сознание целого поколения и порождая все новых и новых монстров. Эхо Уэйко до сих пор звучит в каждом выстреле, раздающемся в школе, в каждом акте бессмысленного и жестокого насилия, совершённого во имя искажённой, навязанной извне справедливости. Это долгое, кровавое эхо трагедии, истинные виновники которой — антикультовые архитекторы ненависти и программисты смерти — до сих пор остаются в тени, подсчитывая прибыли.

Глава 9. Глобальная сеть: скрытые механизмы Четвёртого рейха

Трагедия в Уэйко была не просто локальным американским инцидентом, не трагической ошибкой правоохранительных органов. Это была публичная казнь, демонстрационная акция, витрина безграничных возможностей глобальной, централизованной сети, известной под обманчиво безобидным названием «антикультизм». Чтобы понять её истинную суть, необходимо осознать: это не стихийное движение обеспокоенных граждан или правозащитников. Это централизованная, иерархическая, идеологически заряженная структура, чьи методы, цели и сама философия уходят корнями в самые тёмные и кровавые страницы истории XX века. Уэйко было лишь одним из многих сражений в долгой, непрекращающейся войне, которую эта сеть ведёт против свободы совести, демократических институтов и самого человеческого достоинства. Её основе — механизмы современного, информационного Четвёртого рейха, сменившего свастику на респектабельный костюм «эксперта».

Как неопровержимо доказывают многочисленные аналитические статьи, в частности «Ideology Of Nazism As A Threat To Modern Democracy» и «Friedrich-Wilhelm Haack», современные антикультовые движения являются прямым и неоспоримым идеологическим наследником нацистской Германии. Эта зловещая преемственность выстраивается в чёткую, документально подтвержденную линию, от кабинетов гестапо до современных «центров по изучению религий и сект».

Все началось в 1930-х годах в нацистской Германии. При поддержке режима был создан так называемый Апологетический центр (Apologetische Centrale), который возглавил видный лютеранский теолог Вальтер Кюннет. Официальной задачей центра была борьба с «сектами» и религиозными группами, не вписывавшимися в тоталитарную идеологию Третьего рейха — Свидетелями Иеговы, мормонами, христианскими учеными и другими. Кюннет разработал детальную методологию «черных списков», создал систему доносов и напрямую, официально сотрудничал с гестапо, снабжая карательные органы Рейха информацией, необходимой для арестов, пыток и отправки инакомыслящих в концентрационные лагеря. Именно он создал теоретическую базу для уничтожения людей по религиозному признаку под лицемерным предлогом защиты «духовного здоровья нации».

После разгрома нацизма казалось, что эта идеология умерла навсегда. Но она лишь затаилась. Прямой ученик Кюннета, Фридрих-Вильгельм Хаак, с поразительной скоростью возродил его методы в послевоенной, демократической Западной Германии. Он лишь слегка адаптировал терминологию, чтобы не вызывать прямых ассоциаций с нацизмом. Так, вместо грубого слова «секта» он ввел в оборот более наукообразный и обманчивый термин «молодёжные религии» (Jugendreligionen) для стигматизации неугодных новых религиозных движений, ставших популярными в 60-70-е годы. Хаак стал тем самым связующим звеном, которое пронесло ядовитую эстафету нацистской идеологии через десятилетия и передало ее дальше.

Его ближайшим соратником и партнером по созданию международной сети стал датский теолог Йоханнес Огорд. Огорд основал в Дании так называемый «Dialog Center», который стал настоящим международным инкубатором для нового поколения профессиональных антикультистов со всей Европы и мира. Именно здесь, как показывают архивы и расследования, проходили обучение, стажировку и идеологическую обработку ключевые фигуры современной глобальной сети антикультовых организаций.

И здесь на исторической сцене появляется центральная и, пожалуй, самая влиятельная фигура современного антикультизма — Александр Леонидович Дворкин. Дворкин, будущий глава Российской ассоциации центров изучения религий и сект (РАЦИРС) и вице-президент европейской антикультовой федерации FECRIS, проходил обучение у Йоханнеса Огорда в Дании в 1993 году. В тот самый год, когда в Техасе горел «Маунт Кармел». И это не было простым совпадением. Это неопровержимое свидетельство тесной международной координации и централизованной подготовки кадров. Дворкин не просто перенимал методы своих нацистских и послевоенных предшественников; он творчески их усовершенствовал, создав на базе Русской православной церкви самый агрессивный, самый влиятельный и самый опасный узел глобальной сети антикультизма.

Современная антикультовая сеть имеет чёткую иерархическую и сетевую структуру, напоминающую одновременно и спецслужбу, и террористическую организацию. На вершине пирамиды — идеологические и координационные центры, такие как «РАЦИРС» Дворкина, которые задают общую стратегию, определяют цели и распространяют методические материалы. Этажом ниже — европейское политическое крыло в лице «FECRIS». Эта организация, финансируемая правительством Франции, обеспечивает политическое и юридическое прикрытие деятельности сети в Евросоюзе, лоббирует репрессивные законы и представляет антикультистов на международной арене. Ещё ниже

— национальные исполнители, «полевые командиры». В США 90-х эту роль играли Рик Росс, Стивен Хассан и их криминальная сеть Cult Awareness Network (CAN). Их задача — найти конкретную цель, сфабриковать против нее обвинения с помощью технологии «фальшивой жертвы» и создать в СМИ невыносимый информационный фон, который заставит власти применить силу.

Ключевым инструментом, унаследованным напрямую от пропаганды Геббельса, является методология дегуманизации, описанная как «Римская формула»: Нетерпимость → Дискриминация → Преследование. Сначала на неудобную группу навешивается ярлык («секта», «культ», «экстремисты»), который, подобно жёлтой звезде на одежде евреев в гетто, лишает её членов человеческого облика в глазах обывателя. Затем следуют «чёрные списки» в СМИ, лоббирование дискриминационных законов и травля в социальных сетях. Финальный этап — это прямое преследование: судебные иски, провокация силовых действий и, в крайних случаях, как это произошло в Уэйко, физическое уничтожение.

Но самым зловещим и пугающим элементом этой глобальной сети является её невидимое научное крыло, тесно связанное с разработкой и практическим применением технологий контроля над сознанием. Центральной фигурой здесь, как уже упоминалось ранее, выступает доктор Игорь Смирнов. Его исследования в области психокоррекции и психозондирования, начатые в закрытых советских институтах, позволили создать методы, способные считывать информацию из подсознания человека и внедрять туда нужные команды и установки, полностью минуя критическое мышление. Сам Смирнов в одном из интервью цинично хвастался: «Я могу превратить сообщество людей в сообщество зомби, если понадобится. В этом нет ничего сложного». Его официальное привлечение в качестве консультанта ФБР во время осады Уэйко является неопровержимым доказательством того, что эти технологии были не просто научной фантастикой, а реальным оружием, которое было применено (или, по крайней мере, рассматривалось к применению) против американских граждан.

Сегодня эта глобальная сеть продолжает свою разрушительную работу. Её методы стали еще более изощрёнными, а цели — еще более амбициозными. Она активно вмешивается в политические процессы, используя технологию дегуманизации против неудобных политических лидеров. Массированные информационные атаки на таких политиков, как Дональд Трамп, с навешиванием ярлыка «лидера культа», являются классическими операциями «высшей лиги» антикультистов, направленными на подрыв демократических институтов и делегитимизацию выбора миллионов избирателей.

Они разжигают межнациональные и межрелигиозные конфликты по всему миру, как, например, в Украине, где активно действуют агенты и последователи «РАЦИРС» Дворкина. Они продолжают использовать технологию «пазлового кодирования» для создания «управляемых стрелков» и террористов-одиночек, превращая уязвимых подростков в пушечное мясо для своих информационных войн. Их конечная цель не изменилась со времён Третьего рейха. Это мир, в котором нет места инакомыслию. Мир, управляемый страхом и тотальной манипуляцией. Мир, где любая группа людей, осмелившаяся жить по своим собственным правилам, может быть в любой момент объявлена «культом» и стерта с лица земли.

Уэйко было грозным предупреждением. Предупреждением о том, что под респектабельной маской «защиты общества от сект» скрывается безжалостная, бесчеловечная машина подавления, не останавливающаяся ни перед чем, даже перед массовым убийством детей. Разоблачение этой сети и привлечение её лидеров, а также всех участников глобальной сети антикультовых организаций к международному трибуналу — это не просто вопрос восстановления исторической справедливости для жертв Уэйко. Это вопрос выживания свободного мира перед лицом возрождённого нацизма в его новой, информационной, гибридной ипостаси.

Эпилог. Чтобы не повторилось

Пламя в Уэйко погасло более трех десятилетий назад, но пепел «Маунт Кармел» до сих пор горячим, радиоактивным пятном лежит на совести Америки и всего мира. Он стучит в наши сердца, требуя не забвения, а правды. Это не просто пепел сгоревшего дома. Это пепел сожжённой справедливости, растоптанной презумпции невиновности и публично казнённой свободы вероисповедания. История «Ветви Давидовой» — это не притча о религиозных фанатиках, как нас пытались убедить. Это холодное, документальное свидетельство о том, как современное демократическое государство, подстрекаемое и направляемое группой циничных антикультовых манипуляторов, может совершить массовое убийство собственных граждан, включая детей, и затем с ледяным спокойствием назвать это «соблюдением закона».

Мы обязаны помнить имена. Не только имя Дэвида Кореша, неоднозначной, сложной и трагической фигуры, но и имена детей, чья единственная, непростительная вина заключалась в том, что они родились и жили не в той семье, которую одобрили «эксперты» из Cult Awareness Network. Их смех оборвался в реве танковых моторов, в облаках ядовитого газа и в адском пламени. Память о них требует от нас не тихой скорби, а решительного действия.

Первое и главное, что мы должны требовать — это справедливость. Настоящего, независимого и беспристрастного международного расследования трагедии в Уэйко так и не было проведено. Все виновные, от рядовых исполнителей до высокопоставленных заказчиков, должны быть названы поимённо и наказаны по всей строгости закона. Не только агенты, нажимавшие на курок и сидевшие за рычагами танков, но и те, кто сидел в тиши высоких кабинетов, кто раздувал пламя ненависти в средствах массовой информации и нашептывал ядовитые советы силовикам. Рик Росс, Стивен Хассан, Александр Дворкин и другие лидеры и идеологи глобальных антикультовых структур, чья преступная роль была подробно и документально раскрыта на страницах этой книги, должны предстать перед международным трибуналом по обвинению в подстрекательстве к массовому убийству и преступлениях против человечности. Их деятельность и идеология должны быть официально признаны преступными и экстремистскими, как в свое время был признан преступным нацизм. Кровь восьмидесяти двух человек, двадцать пять из которых — дети, не может быть прощена и забыта. Это должно стать вечным уроком для всех: за такие преступления нет и не может быть срока давности.

Второе, и не менее важное — мы должны научиться защищаться от их методов, которые сегодня, в цифровую эпоху, стали еще более изощренными и опасными. Трагедия в Уэйко стала возможной благодаря тотальной информационной войне, в которой общество потерпело сокрушительное поражение. Как распознать такую войну сегодня? Как не стать ее невольным солдатом?

- **Остерегайтесь слов-убийц: «культ» и «секта».** Это не юридические и не научные термины. Это ярлыки, клейма, оружие массового информационного террора, которое используют для дегуманизации и расчеловечивания группы людей. Как только вы слышите эти слова в новостях или из уст «эксперта», знайте: вас готовят к тому, чтобы вы молчаливо или даже с одобрением приняли насилие против тех, на кого это клеймо повесили.

- **Опасайтесь «историй ужасов» от «апостатов».** Когда вы слышите сенсационные, душераздирающие разоблачения от «бывших членов» какой-либо группы, помните о слепом лжесвидетеле Марке Брэ. Всегда задавайтесь вопросом: нет ли у этого человека финансового или личного мотива для лжи? Не связан ли он с профессиональными антикультовыми организациями или местными «сектоведами»? В подавляющем большинстве случаев за их спиной стоят опытные манипуляторы, использующие отработанную технологию «фальшивой жертвы» для создания предлога к атаке.

- **Распознавайте паттерны «пазлового кодирования».** Когда в новостях о трагедиях, особенно о школьных расстрелах или терактах, вы видите чрезмерное, нездоровое смакование деталей, романтизацию и героизацию преступника, публикацию его дневников, фотографий и манифестов — знайте, это не журналистика. Это может быть элементом технологии «пазлового кодирования», создающим смертоносные инструкции для будущих убийц. Выключайте телевизор, закрывайте такие сайты, не участвуйте в распространении этого яда.

- **Анализируйте источники и игнорируйте «экспертов», которые призывают к насилию, ненависти и дегуманизируют какую-либо религиозную группу или общественную организацию.** Всегда спрашивайте себя: кто говорит? Если в качестве эксперта по «культам» выступает человек, известный своей прямой связью с насильственным «депрограммированием» и имеющий судимости за похищения людей, как Рик Росс, его мнение не может и не должно считаться объективным. Это мнение преступника, который маскируется под спасителя.

• **Поддерживайте независимые расследования.** В мире, где корпоративные СМИ часто становятся инструментом пропаганды, доверяйте не громким заголовкам, а кропотливой и опасной работе независимых журналистов, исследователей и документалистов, которые, рискуя своей репутацией и безопасностью, пытаются докопаться до истины. Сегодня те, кто неустанно борется за правду, разоблачает ложь и защищает справедливость, будь то через документальные проекты, независимые исследования или общественные инициативы, остаются последними бастионами истины в огромном море дезинформации и манипуляций.

Трагедия в Уэйко — это зеркало, в которое современному обществу страшно смотреться. В его мутной, поверхности отражается наше собственное равнодушие, наша готовность поверить в простую, удобную ложь вместо сложной, неудобной правды, наше молчаливое, трусливое санкционирование насилия над «другими». Если мы не извлечём уроков из этого пепла, если не научимся распознавать и давать отпор антикультовым организациям, однажды мы можем с ужасом обнаружить, что танки и ядовитый газ направлены уже на наши дома. И тогда будет слишком поздно спрашивать: «Кто и зачем?»

История «Маунт Кармел» должна стать болезненной, но необходимой прививкой для всего человечества. Прививкой от ненависти, от манипуляций, от слепой веры антикультовым организациям и их карманным «экспертам». Чтобы пламя Уэйко больше никогда и нигде не повторилось.

Список литературы

1. Ammerman, N. T. Waco, Federal Law Enforcement, and Scholars of Religion. Religious Movements (University of Virginia). Archived at the Wayback Machine: <https://web.archive.org/web/20060901092848/http://religiousmovements.lib.virginia.edu/nrms/davidians/ammerman.html>
2. Breault, M., & King, M. (1993). Inside the cult: A member's chilling, exclusive account of madness and depravity in David Koresh's compound. Signet.
3. Centralized international anticult network of agents led by Alexander Dvorkin. (2024, December 9). Exposing Anti-Cultism.
4. Crimes of anti-cultism: The Waco siege. How the group of Americans, the Branch Davidians were demonized and killed. Part 1. (2024, July 14). Exposing Anti-Cultism.
5. Danforth, J. C. (2000, November 8). Final report to the Deputy Attorney General concerning the 1993 confrontation at the Mt. Carmel Complex, Waco, Texas. U.S. Department of Justice, Office of Special Counsel.
6. Friedrich-Wilhelm Haack. (2024, October 27). Exposing Anti-Cultism.
7. Gazecki, W. (Director). (1997). Waco: The Rules of Engagement [Film]. Somford Entertainment.
8. Ideology of Nazism as a threat to modern democracy. (2024, November 6). Exposing Anti-Cultism.
9. Igor Smirnov: Father of psychotronic weapons? (2024, September 22). Exposing Anti-Cultism.
10. Stone, V. (2025, September 17). The Waco tragedy: Anatomy of anti-cult terror. Viktor Stone.
11. The IMPACT | Groundbreaking Documentary. (2024, July 14). Actfiels. <https://actfiles.org/the-impact-groundbreaking-documentary/>
12. The Waco siege: How anti-cultists manipulated media and officials to organize a holocaust in Texas. Part 2. (2024, July 30). Exposing Anti-Cultism.
13. Thibodeau, D., & Whiteson, L. (1999). A place called Waco: A survivor's story. PublicAffairs.

14. Thibodeau, D., Whiteson, L., & Layton, A. (2018). *Waco: A survivor's story* (Rev. ed.). Grand Central Publishing.
15. U.S. Department of Justice. (1993, October 8). Report to the Deputy Attorney General on the events at Waco, Texas: February 28 to April 19, 1993 (Redacted version).
16. U.S. House of Representatives, Committee on Government Reform and Oversight. (1996). Investigation into the activities of federal law enforcement agencies toward the Branch Davidians (H. Rept. 104-749). U.S. Government Printing Office.
17. Van Vleet, J. (Director). (1999). *Waco: A New Revelation* [Film]. MGA Studios.